

Письма кн. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

1

Пятигорск, 25 мая 1839

Зачем вас здесь нет?., здесь так хорошо, тепло, светло, воздух так чист, так тих, дышится легко, живется так же, без забот, без мыслей, без занятий, словом, мне здесь так привольно и приятно, что часто приходит в голову: «Зачем же вас здесь нет?..» Как вы бы отдохнули от всех своих труженических обязанностей и хлопот! Как вы бы помолодели и духом, и сердцем, и здоровьем; как мы с вами наболтались бы досыта!.. Но вы между тем душитесь за пером и бумагами, да еще казенными, скучаете в опустелом Петербурге и убиваете свое бедное существо над тысячью неприятных и досадных трудов. Почти неделя, что я здесь, и еще не раскрывала книги, не подходила к письменному снаряду; и теперь, желая поздороваться с вами, из-за тридцати земель тридцати гор и рек нахожу вместо чернил какую-то размазню из сажи, явный признак необразованности, следственно, благоденствия сего края, спокойного, малограмотного, малопишущего. Сюда на днях должен прибыть ваш двоюродный брат, находящийся в службе в здешнем корпусе¹, и я горю нетерпением с ним познакомиться. В детстве моем семейство Ренкевичевых² представляло мне его идеалом ума и души; если это точно правда, что он таков, то знакомство с ним будет мне и приятно, и опасно, и дружба одного из князей Одоевских вряд ли будет мне защитой против привлекательности другого. Но во всяком случае я обещаюсь не утаивать от вас ни мнения моего о вашем родственнике, ни подробностей нашей встречи. *Il aurait beaucoup à faire pour vous effacer de mon coeur, et je l'en défie, en votre nom et au mien**.

Говорят, что он много написал в последние года и что дарование его обещает заменить Пушкина, и говорят это люди умные и дельные, могущие судить о поэзии. Посмотрим, посмотрим!.. Он Одоевский, и это уже большое достоинство в моих глазах.

Знаете ли вы, что вы должны меня спасти, меня избавить и защитить в одном щекотливом случае? Уже здесь, дня с четыре тому, получила я через нашего управляющего в Москве письмо от Бенкендорфа, написанное 24-го генваря, в котором он просит очень вежливо и обязательно моего соучастия для альманаха Владиславлева³. Где это письмо завалилось, почему так поздно дошло до меня, — не знаю, но предвижу, что меня обвинят в неучтивости за то, что я не

Печатается по изданию: Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Романова. — М.: Сов. Россия, 1986.

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2008

отвечала, и прошу вас, душенька-благодетель и доброжелатель, возьмите на себя труд меня оправдать и чрез Владиславлева доведите до Бенкендорфа причину моей невольной невежливости. Я теперь ничего запасного не имею, чтобы замаслить подаванием безвинную вину, но попросите Плетнева, чтоб он уступил что-нибудь из присланных ему недавно мелочей, и отдайте Владиславлеву. Не правда ли, что отвечать прямо Бенкендорфу было бы неловко и не кстати? Но, ради бога, будьте моим заступником и ходатаем, и устройте дело так, чтоб меня бранили как можно менее, ибо на отсутствие осуждений я уже перестала надеяться в здешнем мире. Если вам будет досужно, напишите мне несколько слов; до 10-го августа адресуйте сюда, а позже в Анну, как всегда. Addio, саго amabilissimo, siate per me sempre quai che siate adesso ed io non posso e non voglio cambiare mai**.

Е. Ростопчина

Посылаю вам цветы, сорванные на здешних горах, а именно на Машуке.

* Ему стоило бы много труда изгладить вас из моего сердца, и ему это не удастся — порукой в том вы и я (*фр.*).

** Прощайте, любезнейший друг, будьте для меня всегда таким, каким вы были доселе, а я не могу и не хочу перемениться (*ит.*).

2

<1844 г.>

Благодарю вас за повесть, а также за посвящение ее мне, которое я принимаю от всей души; но боюсь только, как бы, взглянув на заглавие, те из читателей, которые иногда видят меня вблизи, не подумали, что вы хотите посмеяться, посвящая мне «Живого Мертвеца»¹, мне, которая так на него походит. Но это придаст мне интересный колорит, которым я отнюдь не гнушаюсь. Надеюсь, что все то, что вы мне некогда посвящали, будет напечатано с моим именем в новом издании ваших сочинений, и если вы выставляете даты при своих произведениях, вы сами убедитесь, что в былые годы вы несравненно более обо мне помнили и что я гораздо сильнее властвовала над вашим вдохновением. А затем Господь да хранит вас.

3

Москва, 15-го января 1848

Милый князь — невидимка, неуслышка и нечитанка, — что это с вами делается и как вы живете-поживаете на нашем уж чересчур не белом свете, вращаемом теперь в каком-то странном адском вальсе, от которого у него голова до горячки закружилась и после которого он едва ли уцелеет, если Бог не сжалит-

ся и не пошлет ему в лейб-медики порядочной чумы, доброго потопа или полдесятка Атилл, Мамаев и Чингис-ханов, чтобы привести его в порядок и спокойствие, освободив от лишних и враждебных членов, которых в нем так много набралось и развелось, Что моя добрая княгиня?.. Ничего ровно об вас не знаю и боюсь, чтоб вы меня не забыли. Это, право, было бы грешно, ибо о друзьях-покойниках велено вспоминать и молиться, а я, если и не совсем покойница, но решительно похоронена в грязи, ссоре и запустении того, что смеют звать московской жизнью. Хороша жизнь!., стоит смерти, но не имеет ее выгод, — уединения и молчанья! Недавно я было отдохнула умственно и расправила крылья мысли в беседе Чихачева¹; он прожил здесь неделю, ежедневно бывал у меня, и мы с ним толковали об Европе, о которой здесь хотя и имеют некоторые понятия, но вообще очень сбивчивые и неопределенные; иные представляют ее себе в виде ресторации, где бесценно подаются и пожираются лучшего сорта трюфли и паштеты; для других она — сераль продажных баядерок; для дам — модный магазин; для Хомякова и его шумливых, нечесаных, невымытых приверженцев — бедный заграничный мир только сцена, на которую они поглядывают спокойно с своего тепленького местечка, зеваючи или припеваючи, как кому случится, покуда бедные арлекины и паяцы., действующие единственно для вящей их, зрителей, забавы, стучаются, дерутся и суетятся, а славяне глядят презрительно да поглаживают свою бородку. <...>

<...> у меня, милый мой Одоенка, есть до вас дело мое собственно, и очень для меня важное: можете ли вы от меня спросить Лихтенталя, продаст ли он мне пианино в двести пятьдесят или 300 рублей серебром?.. Буде у него такое есть и подержанное, но хорошее, пусть он его мне тотчас вышлет. В прелестной степи, называемой первопрестольным градом, нет, решительно нет порядочного инструмента или порядочного мастера. Для детей мы наняли кое-что в виде клавесина, от которого уши болят и нервы содрогаются; а я должна поститься в музыкальном отношении, что мне чрезвычайно грустно. Давая вам это, впрочем скучное, поручение, я надеюсь на вашу дружбу, а еще более благотворительность: это в своем роде благодаянье, которое вы мне окажите, и вы лучше всякого другого это поймете. Поговорите о мне со всеми нашими дорогими, с Вяземским, которого люблю заочно и молча столь же, как в глаза, с Михаилом Юрьевичем Виельгорским², с Карамзиными, с Н. Ланскою³; поминайте меня чаще; авось ли ваши воспоминанья меня магнетическою силою к вам притянут. Простите, люблю вас всех, все вы мне недостаете, а *вы* едва ли не более всех; «vous» veut dire ici le ménage, la chère princesse adorablement bonne, tout comme le prince adorablement volage*. Прощу это прочесть вашей жене и расцеловать ее за меня. Кланяйтесь добрым Путятам⁴, Преданная вам не на шутку Евдокия Ростопчина. <...>

* Под словом «вы» здесь надо разуместь вашу семью: дорогую княгиню, восхитительно добрую, равно как и князя, восхитительно ветреного. (фр.).

Москва, 4-го февраля 1858 г.

Капитан Миаули, дедушка Иринеи¹, Albert le Grand², Hoffmann П³, и проч., и проч., а теперь сиятельный князь, важный сановник.

В то время, когда я знала и ведала не только где-вы и что с вами делается, но даже что вы думаете, и в каком тоне, мажорном или бемольном, находятся ваши мысли, ваши чувства, ваше внутреннее я... Да, где оно, это старое, гармоническое, поэтическое время, а?.. Non, non, vous n'êtes plus Lisette*, говорил Беранже⁴ своей прежней возлюбленной, встречая ее в блондах и бархате, в шляпке с перьями и блестящем экипаже... Нет, нет! ты больше не мой Миаули, не сказочник, не сочинитель Bukier Valser, не гармонист, толкующий мне о привидениях, а нечто важное, серьезное, государственный человек; и потому я через «Indépendance Belge»**⁵ узнаю о вашем возврате на родину, и если бы не было газет, я бы не ведала о вашем существовании... а лучше ли вам среди грандеров?.. легче ли сердцу?.. счастливее ли вы?.. Нет, небось... и если б не Савоська⁶ порой услаждал слух ваш любимыми звуками Мендельсона и прочих, вы бы и не знали, среди своих забот и придворных должностей, что есть еще музыка на свете; что есть наслажденья кроме Анны через плечо и умственная, душевная пища помимо вечеров с Altezza и Durchlaucht, своими и чужими?.. А я хочу пробудить в вас давно уснувшее эхо бывалых мелодий, хочу потрясти ваши воспоминания, омолодить, оживить вас, хоть на пару часов. Вот вам, друг Одоевский, вот вам две книжечки, которые напомнят вам многое и многих, уже не сущих, но прежде вам милых, вот вам лейпцигское издание моей души⁷, потому что я помню вашу ненависть к стереотипам и в ваше отсутствие берегла вам этот гостинец для встречи, как поэтическую хлеб-соль! Ваше имя является гласно и печатно единожды, но как часто оно подразумевается на разных страницах, запечатленных моими сердечными исповедями!.. Если вы только станете перелистывать эти два тома, то они возобновят в вас все силы молодости и воображенья, они опоят вас вашими собственными воспоминаньями, так часто шедшими об руку с моими!.. Наши общие друзья воскреснут перед вами; ваши субботы, мои обеды, то с Глинкою, то с Листом, Мендельзоном и Шубертом, разыгрываемыми у Смирновой, ваши confidences*** касательно ваших личных тайн, все, все тут, все оживет, заговорит, запоет перед вами дивную, страстную, животворную песнь старины. A quelque chose l'amitié est bonne!**** Пусть она послужит вам и мне какою-то магическою fontaine de jeunesse*****, потом возьмите перо и настрочите мне письмо, если не влюбленное и полумистическое, полуфантастическое, как в старину, то по крайней мере братское и дружеское, какого я ожидаю от вас и которое будет отрадно мне среди холодного, грустного, положительного мира, где я живу, вращаюсь, вывожу дочерей на бал... Да — я! я вывожу двух дочерей, и эти слова картинно выражают вам мое полное преобразование из женщины в мужчину с чепцом, из существа свободного и мечтательного в светскую даму, исполняющую, с важностью нуля, утомитель-

ную должность d'un chaperon*****, особы, восседающей чинно в бальных залах до зари и рассуждающей... о тряпках с подобными ей маменьками и тятеньками. Aussi, et par un reste de coquetterie féminine que je veux que vous me relisiez, pour me voir telle que je fus, non telle que je suis*****.

Кланяйтесь много княгине, расцелуйте себя самого, пожмите благородную лапу Тернёва, возьмите аккорды на Савоське, и все вместе, муж, жена, орган, Тернёв, помяните любящую вас и проч. *гр. Ростопчину*.

* Нет, нет, вы уже не прежняя Лизетта (*фр.*).

** «Независимость Бельгии» (*фр.*).

*** признания (*фр.*).

**** И дружба может на что-то согдиться (*фр.*).

***** источником молодости (*фр.*).

***** компаньонки (*фр.*).

***** Потому, а также из остатков женского кокетства, я хочу, чтобы вы меня перечитали, чтобы увидеть меня той, какой я была, а не какая сейчас (*фр.*).

Комментарии

1

Впервые — «Русская старина», 1904, т. 119.

¹ Речь идет об А. И. Одоевском, служившем рядовым Нижегородского драгунского полка.

² Ренкевичи — родственники Ростопчиной; Е. Е. Ренкевич (1772—1834); его жена Александра Александровна (урожд. Пашкова (1770—1825); их сын А. Е. Ренкевич (служил вместе с А. И. Одоевским в лейб-гвардии конном полку). ³ Владимир Андреевич *Владиславлев* (1808—1856) — прозаик; издатель альманаха «Утренняя заря». Здесь речь идет об альманахе «Утренняя заря на 1840 год», доход от которого Владиславлев, служивший в корпусе жандармов, пожертвовал в пользу Петербургской детской больницы, председателем которой состоял шеф жандармов А. Х. Бенкендорф; в нем были напечатаны три стихотворения Ростопчиной.

2

Впервые — там же; оригинал по-французски. ¹ «Живой мертвец» — повесть В. Ф. Одоевского, опубликованная в «Отечественных записках», 1844, т. 32.

3

Впервые — там же. ¹ Петр Александрович *Чихачев* (1808—1890) — географ, путешественник ² М. Ю. *Виельгорский* (Виельгорский; 1788—1856) — композитор, музыкальный деятель. ³ Наталья Николаевна *Ланская* (урожд. Гончарова; 1812—1863) — вдова Пушкина; в 1844 вышла замуж за П. П. Ланского. ⁴ *Путяты* — знакомые Ростопчиной; Николай Васильевич *Путята* (1802—1877) — литератор.

4

Впервые — «Русский архив», 1864, № 7, 8. ¹ Псевдонимы Одоевского. ² *Альберт ле Гранд* (1193 или 1205—1280) — немецкий ученый, философ, слыл магом. ³ Видимо, имеется в виду Август Вильгельм *Гофман* (1818—1892) — немецкий химик. ⁴ Пьер Жан *Беранже* (1780—1857) — французский поэт; *Лизетта* — героиня его песен, здесь имеется в виду третья строфа стихотворения Беранже «Чердак». ⁵ «Независимость Бельгии» — газета. ⁶ В первой публикации письма

дана сноска: «Инструмент в роде органа, в котором многие особенности были придуманы кн. Одоевским. В кружке музыкантов и любителей, собравшихся испытать это новое изобретение, решили, что этому инструменту надо придать особое имя; но как играть на нем с непривычки было довольно трудно, то Жуковский настаивал, чтобы дали два имени: когда на нем хорошо играют, то «Себастиана» (в честь Себастиана Баха), а когда дурно, то Савоська» (Русский архив, 1864, № 7—8, столб. 847).⁷ Второе издание «Стихотворений» Е. П. Ростопчиной, т. I, II, 1857, печаталось в Лейпциге.